

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Тайна, деньги,
два осла

Анна Ольховская

Тайна, деньги, два осла

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3374165

Тайна, деньги, два осла: Эксмо; М.; 2012

ISBN 978-5-699-56847-5

Аннотация

Красавице и умнице Вике Демидовой необходимо любой ценой сбежать из этого проклятого дома. Кто бы мог подумать, что немецкий барон Фридрих фон Клотц окажется таким негодяем и мысли о наследстве семьи Демидовых подтолкнут его к преступлению. Он похитил Вику, чтобы с помощью ее и ее будущего ребенка получить долгожданные деньги. Но не тут-то было... Он еще не знает крутой нрав молодой леди. Вика бывала в переделках и похуже, но сейчас ей приходится надеяться только на себя. Фридрих с радостью сообщил девушке: ее мать и брат уже смирились с неизбежным – Виктория погибла. Ведь в сгоревшем доме, где нашли обугленное женское тело, обнаружили остатки ее вещей, в том числе и мобильник. Никто ее искать не будет. Никто, кроме странного высокого блондина с необычным серебряным цветом глаз... Может быть, именно ему, холодному Каю из сказки, удастся вызволить Вику из лап сурового немецкого аристократа?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	52
Глава 8	59
Глава 9	66
Глава 10	72
Глава 11	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Анна Ольховская

Тайна, деньги, два осла

Пролог

Все. Больше не могу. Нечем дышать. Вместо воздуха – раскаленный песок, рвущий гортань в клочья. И сердце, взбесившимся воробьем метавшееся внутри грудной клетки, внезапно замерло, заражая онемением все тело.

Ложись, хватит себя мучить. Ты так устала, так вымоталась, и немудрено – почти год провести под замком. И думая лишь об одном – о побеге. Все мысли, все желания, все силы – и физические, и душевные – были сосредоточены на этом.

И у тебя получилось! Ты смогла! Ты сделала это! До желанной свободы осталось совсем немного, каких-то полчаса бега!

Или час...

Неважно, главное – там люди, там телефон, там полиция, в конце концов!

Что?! А ну, вставай! Немедленно! Ну!!!

– Не могу... – В уголках глаз задрожали слезы. – Mamочка, родная, ну где же ты?! Помоги мне!

Тишина. Гулкая тишина леса. Или гор?

Всех вместе. Потому что под ногами – горный склон, на-

тянувший дремучую шубу из деревьев. И если она не ошиблась с направлением, скоро должен быть перевал, а за ним – небольшой поселок.

Откуда она сможет позвонить. Нет, не маме, вряд ли в глухом уральском поселке есть связь с Германией. Но с Москвой должна быть! А в Москве – Сергей Львович, он хоть и на пенсии уже, но бывших генералов ФСБ не бывает, дядя Сережа поможет, обязательно!

Надо только встать. И идти.

Легко сказать. А если нет больше сил? Сколько она уже идет – день, два?

Целую вечность. Лицо распухло от укусов мошкары, ноги отекли, руки разодраны в кровь о сучья, губы потрескались и кровоточат, во рту – пустыня. Фляга с водой давно уже пуста, хлеб тоже закончился, но есть не очень хочется, а вот пить...

Вика попыталась глубоко вздохнуть, чтобы воздух в груди помог ей подняться, но пересохшее горло взорвалось надсадным кашлем.

От которого немедленно проснулся и захныкал Помпон.

Имя, данное сынишке человеком, считавшим себя его отцом, Вика терпеть не могла. Хотя звучало аристократично – Вильгельм фон Клотц.

Но это заморочки Фридриха, а поскольку документов никаких не оформляли, для Вики ее сынишка с момента рождения был Михаэлем.

Но это потом он станет Михой, а сейчас, в возрасте трех

недель, это был пухлый кругляш в перевязочках, для своих – Помпон.

И сейчас Помпон, крест-накрест привязанный полотенцем к материнской груди, от кряхтения и хныканья плавно переходил к могучему возмущенному реву. Потому что мало того, что попке мокро, так еще и есть хочется! Очень хочется-а-а-а!!!

– Тише, родной, тише, – прошептала Вика, вытаскивая сынишку из перевязи. – Сейчас покормлю, только не кричи так громко, а то зверь нас найдет и снова в свою берлогу утащит! А нам не надо в берлогу, нам надо домой, к бабуле, к дяде Славе, к дедушке Винсу. Они ведь даже не знают, что ты у них появился, они твою маму уже почти год не видели... – Собравшиеся в уголках глаз слезы накопили достаточно сил, чтобы собраться в ручьи и рвануть вниз, оставляя промытые дорожки на щеках. – Вот, Помпошка, давай, наяривай.

Малыш жадно вцепился в мамину грудь и зачмокал, прикрыв пухлой ручкой сосуд с едой от возможных посягательств.

Но через минуту выпуклый лобик сморщился, глаза обиженно распахнулись, и Помпон возмущенно заорал.

– Нет ничего, да? – всхлипнула Вика. – Ну не плачь, маленький, пожалуйста! Мама сейчас найдет какой-нибудь ручеек, напьется всласть, и у нее молочко появится. Ты только потерпи немножко, Помпончик!

Но малыш терпеть не хотел. Он плакал все громче и гром-

че, заглушая все звуки вокруг.

Поэтому выскочивший из кустов огромный волк появился совершенно неожиданно. Вика ахнула и еще крепче прижала к себе сынишку, прикрывая его своим телом.

Но зверь повел себя более чем странно. Он шумно втянул воздух носом, покрутил лобастой башкой и исчез так же внезапно, как и появился.

А Вика вдруг поняла, что уже не сидит, а стоит. Мощный выброс адреналина кипел в крови, заставляя сердце биться, а гортань – пропускать воздух в рабочем режиме. Мышцы тоже вспомнили, как двигать тело хозяйки, и дружно включились в процесс.

И девушка пошла. А потом – побежала, одной рукой прижимая к себе голосащего сынишку, а другой – раздвигая ветки. Она чувствовала: погоня уже совсем близко, надо спешить.

Быстрее, быстрее, смотри под ноги, не хватало еще навертнуться из-за торчащих корней! Вот уже и перевал, вернее, узкая тропа, прижавшаяся к почти отвесной скале. Относительно пологий горный склон угрожающе вздыбился, ощерившись обрывом. Он словно предупреждал: осторожнее, здесь спешить нельзя!

Нельзя – не буду.

Вика остановилась, стараясь отдышаться, и в этот момент за спиной раздался насмешливый голос:

– Ну зачем было так издеваться над собой и Вилли! По-

смотри, на кого ты похожа, Викхен! Не солидная фрау, а оборванка какая-то!

Не получилось... Опять не получилось...

Он все-таки догнал их.

Глава 1

Так, кажется, ничего не забыла. Или забыла?

Вика сосредоточенно осмотрела вальяжно растопырившуюся дорожную сумку и манерно поджавшую замочек папку с бумагами.

Насчет документов можно не волноваться: Вика за пять лет юридической практики стала настоящим, без примесей славянского разгильдяйства и пофигизма, немецким профессионалом. Учеба на юридическом факультете одного из лучших университетов Германии при одновременной практике в семейном бизнесе приучила немного ветреную и безалаберную девушку к «орднунгу», и все, что касалось работы, обрастало скучными, но необходимыми понятиями типа «скрупулезность», «внимание к мелочам», «конфиденциальность», «ответственность», «тщательность», ну и, разумеется, «профессионализм».

Хотя... Если честно, то ветренность, судорожно вцепившись в безалаберность и капризность, самоликвидировались еще до начала учебы в Германии. Когда ни сама Вика, ни ее брат Слава даже и подумать не могли, что совсем скоро они станут наследниками огромного состояния Зигфрида фон Клотца.

Тогда все было плохо, очень плохо. Вернее, поначалу все шло очень даже ничего: папенька, Андрей Голубовский, под-

держиваемый женой, успешно карабкался по склону бизнеса к самой его вершине и докарабкался до весьма недурственного дохода.

Вика еще помнила дни, когда мама Саша ухитрялась полкило фарша растянуть на неделю, готовя вкусные обеды и ужины для семьи из четырех человек. Одевались они в секонд-хенде, ни о каких салонах красоты мамулечка и не думала: Саша Голубовская собирала баночки из-под детского питания младшего сынишки Славы.

Зачем собирала? Так ведь в аптеке их принимали, можно было на хлеб и молоко детям насобирать, пока отец семейства мотался по командировкам, а денег, оставленных им, даже при режиме строжайшей экономии все равно не хватало.

В общем, было тяжело. Но со временем появилась и роскошная двухуровневая квартира, и статусный «Лексус» (правда, только у папашки, маме он купил старенькую «Киа» – возить детей в школу и так сойдет). Но мама Саша почему-то по-прежнему не знала, что такое салон красоты и дорогая одежда.

А вот любовница папашки знала. Именно ей доставались теперь все сливки благосостояния Андрея Голубовского. А прежняя семья папеньке уже давно мешала. И на бедную мамочку обрушился такой жуткий моральный прессинг, что она не выдержала и подала на развод.

И стало совсем плохо. Но Вика все равно верила, что в

глубине души папа хороший, что это его любовница заставляет делать и говорить жуткие вещи, унижать и оскорблять маму Сашу.

Но увы... Глубина души отца, самое ее дно оказалось черной бездонной топью. Ради денег он был готов продать свою дочь и послать на мучительную смерть сына.

А еще – убить жену. Это в первую очередь.

И у него все получилось бы, если бы не мамина подруга, Анна Лощинина.

Тогда, восемь лет назад, накануне ее, Викиного, восемнадцатилетия, отец внезапно стал внимательным, добрым и заботливым, он перестал встречаться с любовницей и начал активно пытаться помириться с женой. И даже пригласил всю семью на весенние каникулы в Чехию, в гости к своему партнеру по бизнесу (по версии папашки) Фридриху фон Клотцу.

И она, Вика, и ее младший брат Славка очень хотели поверить отцу и вернуть прежнюю семью. Они уговаривали мать согласиться, и мягкая, добрая, нежная мамочка дрогнула.

Саша готова была ехать в Чехию, но только с одним условием – с ними поедет ее подруга, Анна Лощинина.

До той поездки Вика плохо знала тетю Аню, потому что та жила в Москве, а Голубовские – в Минске. Нормальная вроде тетка, прикольная, юморная, к тому же, на минуточку, жена самого Алексея Майорова, мегазвезды российского шоу-бизнеса.

Папашка, кстати, тоже тетю Аню всерьез не воспринимал,

поэтому легко согласился на ее присутствие в замке.

И, как оказалось, напрасно...

Именно тетя Аня помешала осуществлению планов заговорщиков, став тем самым камешком в ботинке, до крови стершим ногу (см. роман Анны Ольховской «Первый раз»).

Каких планов?

Да очень простых и незатейливых – захватить то, что не принадлежало ни Фридриху фон Клотцу, ни Андрею Голубовскому.

Много лет назад, во время Второй мировой войны, в поместье фон Клотца появилась новая горничная – угнанная в Германию девушка из Белоруссии, Мария Ковалева. И обычная поначалу интрижка между хозяином, Зигфридом, и прислугой переросла в нечто большее. Мария забеременела, и Зигфрид решил оформить их отношения. Он уехал в Гамбург, чтобы подготовить все для переезда – советские войска подходили все ближе, – а когда вернулся, Марии в поместье не было...

И всю оставшуюся жизнь Зигфрид пытался найти Марию и своего ребенка, но увы... Не было в советское время программы «Жди меня», а «Красный крест» ничем помочь не мог. Потому что просьбы фашистских недобитков, к тому же буржуев, никто в СССР выполнять не будет.

Хотя фашистом Зигфрид никогда не был. А вот буржуем, то есть более чем состоятельным человеком, – да, был.

Зато у его младшего брата Вальтера все получилось с точ-

ностью до наоборот: он во время войны служил в СС, а после войны промотал свою часть наследства. И вместе со своей семьей стал приживалой у брата.

Но Вальтер особо не переживал по этому поводу – наследников у брата нет, так что все равно со временем состояние Зигфрида перейдет к его, Вальтера, потомкам. Вернее, потому что – внуку Фридриху фон Клотцу.

А после смерти Зигфрида братца ждал более чем неприятный сюрприз.

Все свое состояние этот старый осел завещал своему ребенку от Марии Ковалевой или потомкам этого ребенка. Ведь Зигфрид даже не знал, кто у него родился – сын или дочь. И родился ли вообще...

На тот случай, если потомков обнаружить не удастся, наследство отходит благотворительному фонду. А что младшему брату?

В принципе без копейки в кармане Вальтер не остался – в его владение перешел замок в чешском местечке Клатовы. Но – и все!

Старого Вальтера от такой, по его мнению, несправедливости хватил удар, и он отправился вслед за старшим братом, а его внук, Фридрих, решил действовать.

И нашел потомков дядюшки раньше адвоката, занимавшегося делами наследства.

Оказалось, что Мария Ковалева родила девочку – Римму. А эта девочка – дочку Сашу. Маму Вики и Славы.

И завертелась смертельная карусель...

В результате которой семья Голубовских перестала существовать. Нет, не в прямом смысле, хотя папашка сделал для этого все возможное, отправив машину с мамой в пропасть, а Славку – умирать в катакомбы.

Вика же должна была стать фрау фон Клотц, женой Фридриха. И у немца, кстати, поначалу почти получилось – он ведь оказался очень даже интересным мужчиной. Высокий стройный блондин с голубыми глазами и правильными чертами лица. Много ли надо восемнадцатилетней девчонке! Красиво ухаживать, красиво говорить, дарить подарки, – и Вика почти растаяла...

Почти. Тетя Аня сумела вправить ей мозги. Правда, за это ей досталось, ох как досталось! Вика до сих пор не может без содрогания вспоминать, что учинил ее папашка. Он ведь и потом не оставил тетю Аню в покое, мстительная сволочь (см. романы Анны Ольховской «Лети, звезда, на небеса!» и «Увези меня на лимузине!»). Да, нельзя так отзываться о собственном отце, но по-другому не получается! Фридрих получил свои восемь лет тюрьмы и сидит тихонько, не рыпается. А папашка все никак угомониться не мог!

Правда, они с братом давно уже отреклись от отца, а суд лишил его родительских прав. И теперь они не Голубовские, а Демидовы – мамина девичья фамилия.

Вот и не стало семьи Голубовских.

Теперь у них все хорошо. Бабуля вступила в права наслед-

ства, переехала в Германию и с удовольствием ведет жизнь европейской пенсионерки. А они с мамой и братом рулят семейным бизнесом. Вначале рулила только мама, и неплохо, между прочим, справлялась, пока дети уму-разуму набирались в университетах Германии. Она вообще очень изменилась с тех пор, и не только из-за подлости бывшего мужа.

Мамулю угораздило попасть в тайную тюрьму-лабораторию ЦРУ, спрятанную в горах Чехии, где над ней ставили опыты.

И мягкая, добрая, нежная Саша Голубовская превратилась в бездушную боевую машину. К тому же наделенную уникальным слухом – мама может слышать все и всех, находящихся в радиусе пятисот метров. Даже тихое дыхание или шепот.

Душа и чувства к мамуле вернулись, а вот боевая подготовка осталась. И мама превратилась в стальную бабочку. Так ее тетя Аня назвала. И даже стихотворение маме посвятила.

Сильная, порой жесткая, но бесконечно любящая и преданная, нежная и добрая по отношению к семье и близким друзьям – такая сейчас ее мамуся.

Вот только...

Самая близкая мамина подруга, почти вторая мама для них со Славкой, тетечка Анечка больше года назад бесследно исчезла! Причем вместе с дочкой Никой, родившейся уже после приключений в Чехии.

Они искали Анну и Нику, все искали: и мама вместе с Винсентом Морено, ее новым мужем, и они со Славкой, и муж Анны, Алексей Майоров (хотя из-за него все и случилось), но увы...

И из мамы словно часть души вынули. Она теперь реже улыбается и все чаще сидит с отсутствующим выражением лица, словно пытается услышать голос подруги...

А они с братом все больше погружаются в управление бизнесом. Славка окончил экономический факультет, она, Вика, юридический, так что тандем у них сложился неплохой.

Вот только на личную жизнь совсем времени не остается – едва познакомилась недавно с симпатичным мужчиной – опять улетать приходится!

Хоть одно утешает – в Россию. Можно будет вдоволь наговориться на русском языке, а то скоро уже немецкий акцент появится!

Глава 2

Всхлипнул и томно заворковал мобильник. И очень вовремя, между прочим, иначе пришлось бы за ним возвращаться (если вообще пропажу бы заметила) – именно мобильный телефон оказался той вещью, которую Вика почти забыла.

А все потому, что вернулась только под утро, и это накануне командировки! Ну да, да, новый ночной клуб, куда ее затащил брат, действительно оказался неплохим местечком, и публика там была не такая кислотная, как в других подобных заведениях. Никаких обдолбышей на танцполе, но самое главное – никакого выносящего мозг бесконечного «дын-дын-дын», нормальная танцевальная музыка.

Вот она и увлеклась, о времени забыла. И вообще, вчера такое состояние странное было, словно Вика не в Россию на неделю едет, а куда-нибудь в малярийное Сомали на несколько лет. И Славка еще маслица в огонь подливал, приколост доморощенный!

Который и трезвонит сейчас. И очень кстати, иначе Викин верный помощник, умничка смартфон, так и остался бы лежать под кроватью, куда он, наверное, сбежал из брошенной на пол сумочки.

Но знать Славке о пользе своего звонка не надо, а то раздует беднягу от ощущения собственной значимости, как жа-

дину от гороха, и последствия возможны те же. Нет, не в смысле гулкой порчи воздуха, братишка просто профи по части морального пер... достачи, в общем.

Вика подняла вконец истомившийся мобильник:

– Привет, единоутробный!

– Фу, какая ты грубая и неотесанная! Воспитанная европейская леди должна приветствовать своего любимого братика нежным и мелодичным щебетом, а ты – бабац! А все потому, что ты в душе – бабец.

– Я-то в душе, а ты в теле.

– В смысле? – завопил Славка. – Это ты на что намекаешь? На то, что я жирный, или на... Не-е-ет, даже ты не способна на такое гадство! Это с какой стороны я трансвестюга?!

– О-о-о, как тебя торкнуло! Видать, на больную мозоль размером с кедровую шишку наступила?

– Нет, дорогая сестричка, ты уж объясни, что имела в виду, иначе в аэропорт будешь добираться сама!

– О майн готт, какая чудовищная жестокость! Как же я смогу? Из центра Берлина! Сама!! И в аэропорт?! Вокруг ведь ни одного такси!

– Ну-ну, Викуша, ну-ну. Вызывай тачку. Заодно не забудь сказать диспетчеру, что водитель должен быть в теме той конференции, на которую ты летишь, а также иметь при себе парочку забытых тобой вчера в офисе важных бумаг.

– Каких еще бумаг?

– Важных! – мстительно хихикнул брат.

– Не свисти, я все взяла!

– А-а, не все. И вообще, кто вчера ныл, что необходима предполетная подготовка, эдакая квинтэссенция наставлений величайшего гуру от экономики?

– Ладно, гуру, убедил – без тебя мне в аэропорт никак. Ты сейчас где?

– Солнечная система, планета Земля, Евразийский континент.

– Муа-хаха! Надеюсь, получилось достаточно саркастично? Кончай придуриваться, у меня до вылета осталось два часа!

– А вот не закончу! Пока не объяснишься!

– Ты о чем? – искренне удивилась Вика, уже забывшая начало разговора.

– Это в каком смысле я в теле бабца?

– Ой, мамочка! Да что ж ты так завелся-то?

– А ты будто не знаешь?

– А, ну да. Прости, забыла. Не волнуйся, брат мой, на гея или трансвестита ты непохож, и жира в тебе ни грамма! Это был утренний выплеск накопившегося за ночь яда, только и всего.

– Ладно, прощаю!

– Ох, и ни фиги же себе! А как насчет моего прощения? Кто меня первым обозвал?

– Не мелочись, сестренка, а в темпе выходи, я уже у ворот твоего дома.

– Свин.

Вика аккуратно уложила смартфон в чехольчик, а важно раздувшийся чехольчик – в папку с документами, застегнула дорожную сумку и направилась к выходу.

Она уже открыла входную дверь, когда ее буквально накрыло волной непонятного, иррационального страха. Где-то внутри сначала едва слышно, а потом все громче и громче зазвенел тревожный колокольчик. И в такт ему звучало: «Останься! Останься! Останься!»

Фу ты, ерунда какая! Это все вчерашние Славкины подкалывания по поводу предстоящей поездки. И ее, Викина, европейская зашоренность. Ведь прекрасно знает, что цивилизация в России вовсе не заканчивается Москвой и Санкт-Петербургом, сама родилась и выросла в Минске, замечательном, вполне европейском городе, и вчера шуточки брата по поводу участия медведей в Уральском международном экономическом форуме не вызывали ничего, кроме смеха.

Так чего ж сегодня так корежит? Почему поездка, казавшаяся поначалу такой увлекательно-познавательной – Вика никогда еще не бывала на Урале, и красота тех мест по-настоящему манила, – внезапно вызывает панику? Хочется бросить сумку, бегом вернуться на второй этаж, запереться в спальне и даже, совсем как в детстве, накрыться с головой одеялом.

А еще лучше – рвануть к маме и прижаться к ее теплому плечу.

И все из-за Славки! Надо будет снова потоптаться по его больной мозоли, о которой Вика давно забыла, кстати.

Для нее братец всегда оставался доставучим свином, умницей, врединой, настоящим мужчиной, человеком слова, защитником, педантом, занудой, верным помощником, другом – в общем, самым родным после мамы человеком, но – пацаном. Прежним светловолосым парнишкой, с которым они когда-то разыгрывали новогодние представления для мамы с папой.

А Славка вырос в весьма интересного мужчину. Нет, не в слащавого красавца с рекламы нижнего мужского белья, черты лица у брата были неправильные: нос крупноват, лицо вытянутое, серые глаза небольшие, губы довольно узкие, но в целом...

В целом получилось очень даже ничего. И фигура у него была вполне гармоничная: широкие плечи, узкие бедра, длинные стройные ноги. Но самое главное его украшение – яркое сочетание светлых волос и черных ресниц. И борода у него росла темная, что создавало совершенно убойное впечатление, особенно если учесть, что волосы Славка отрастил подлиннее, а бородку (вернее, трехнедельную щетину) тщательно ровнял постоянный парикмахер брата.

Понятно, что девушек у парня было много, правда, в основном во время учебы в университете, когда же Славка стал у руля семейного бизнеса, на развлечения времени оставалось гораздо меньше. Но оставалось – возле парня всегда

крутилась какая-нибудь фемина.

А где-то с полгода назад домой и в офис герр Демидофф зачастили курьеры цветочных магазинов с роскошными букетами цветов. Записок в букетах не было, только маленькие сердечки-валентинки.

Потом валентинки сменились признаниями в любви. Затем начались пространные письма по электронной почте с описаниями тех эротических услуг, которые ожидают Слэви (так брата называли в Германии), если он откликнется на страсть.

Славка поначалу хихикал, рассказывая сестре и матери о неведомой поклоннице, потом настойчивость дамы его заинтриговала, он даже готов был на интрижку с женщиной постарше (в письмах чувствовался солидный сексуальный опыт), и парень в итоге согласился на встречу.

На которую пришел мерзкий одышливый жирдяй с блестящим то ли от слюней, то ли от помады ртом.

Вспугнутым охотниками кабаном ломанулся бедный Славка из ресторана, где было назначено свидание. И потом еще несколько месяцев пытался избавиться от липкой страсти пузатого извращенца, хотя это было нелегко.

Но Славка справился. Вот только любой намек на голубую тему теперь вызывает у братишки неадекватную реакцию. О чем Вика благополучно забыла.

Зато воспоминания об этой, не самой приятной для брата истории заглушили внутреннюю истерику, и девушка обна-

ружила, что уже вышла из дома и идет по дорожке к воротам.

– Ганс! – окликнула она по-немецки возившегося возле клумбы садовника. – Меня не будет около недели, передай Матильде, что приходить пока не надо.

– Хорошо, фрейлейн Вика, передам. Она как раз собиралась внуков навестить.

Матильда, домработница Вики, была женой садовника. Эта пожилая семейная пара работала у Вики два года, с момента покупки ею своего дома.

– Тогда до скорого, Ганс!

– Позвоните перед приездом, Матти испечет ваш любимый штрудель!

– Обязательно.

Глава 3

Турбины самолета монотонно ныли не самую благозвучную колыбельную, но все же именно колыбельную. А как иначе объяснить сладкий сон большей части пассажиров? Можно было бы обвинить крепкие напитки, любезно предлагаемые стюардессами, но у виски и коньяка имелось надежное алиби: в салоне бизнес-класса летели бизнесмены-немцы. И рейс выполнялся отнюдь не чартерный и не из Анталы, так что ожидать коллективного ужора пассажиров не стоило.

И тем не менее две трети соседей по салону мирно дрыхали, укрывшись пушистыми пледами.

Вика тоже с удовольствием присоединилась бы к ним, но, во-первых, заснуть в самолете у нее до сих пор не получалось ни разу, даже во время перелетов на американские континенты, а во-вторых, надо было еще раз просмотреть все бумаги, подготовленные братом к форуму.

И не просто просмотреть, а вникнуть, разобраться до мельчайших нюансов, чтобы не мемекать потом растерянной блондинкой перед возможными партнерами их семейного бизнеса.

Ну да, да, назвать Вику блондинкой мог только слепой, поскольку родилась девчушка кареглазой и темноволосой. Не брюнетка, но шатенка уж точно. И выросла такой же (бла-

годаря мамуле, правда, вовремя перехватившей дочку перед походом в парикмахерскую с целью перевоплощения в блондинку). Выслушав негодующий спич наследницы, посвященный свободе и самовыражению, мама Саша сбегала к соседке, обладательнице роскошного платинового парика, нахлобучила эту красотищу на макушку возмущенно сопевшей дочуры и подвела деточку к зеркалу.

Откуда на Вику сердито пялилась обитательница квартала красных фонарей. Именно эти дамы обожают столь диссонирующее сочетание: огромные карие глаза, темные брови, чуть смугловатая кожа и – холодный блонд.

А еще девушка стала выглядеть лет на десять старше. И потрепаннее, несмотря на свои шестнадцать лет.

В общем, кретинская идея с обесцвечиванием волос, спровоцированная доминирующим у подростков стадным чувством, была объявлена персоной нон грата и выдворена без права реабилитации.

И волосы, благодарные хозяйке за щадящий режим существования, лежали теперь на плечах блестящей волной цвета насыщенной чайной заварки. Тонкие темные брови Вика практически не корректировала, да и густые длинные ресницы тоже не нуждались в подкрашивании. И вместо объемистой косметички в сумочке девушки пугливо жался к изящному зеркальцу одинокий тюбик губной помады.

Нет, объемистая косметичка тоже имелась, она сейчас дремала в багаже. На складе, так сказать, поскольку относи-

лась к тяжелому вооружению. Эту базуку Вика расчехляла лишь в крайнем случае, когда требовалась полная и безоговорочная капитуляция противника.

И вполне вероятно, что на предстоящем форуме придется таскаться с этой базукой не только вечером, но и днем.

Зачем? А затем. Затем, что Вика по образованию все-таки юрист, а не экономист, и сколько ни штудируй братовы подсказки, вероятность попасть в самую середину глубокой лужи некомпетентности кривляющимся призраком постоянно маячит на горизонте.

Обычно на подобные мероприятия всегда ездит Славка, в крайнем случае – мама, они свободно ориентируются в лабиринте Экономикотавра. Зато она, Вика, лихо носится на водном байке по морю юриспруденции, где мама и брат не рискуют соваться за буйки.

И в этот раз должен был поехать лично герр Демидофф. И Славка серьезно готовился к поездке, рассчитывая заключить там парочку выгодных контрактов, но за неделю до начала форума позвонили из приемной министра экономики и сказали, что герр министр ждет герра Демидофф лично в будущую среду, в 10 часов утра.

А будущая среда – как раз второй день форума.

Мама заменить сына тоже не могла. Вернее, она-то смогла бы, но ей не позволили. В кои-то веки мамуля выбралась отдохнуть вместе с Винсентом, она так ждала эту поездку, так готовилась! Хали Салим, их знакомый, владелец сети элит-

ных отелей, подготовил для друзей лучший номер в лучшем отеле, и мама с мужем уже неделю нежатся на белоснежном песочке Мальдив.

Откуда она безоговорочно сорвалась бы и помчалась на Урал.

И неизвестно, когда бы в следующий раз удалось уехать к океану вместе с любимым мужем.

Потому что Винсент Морено все еще служил в ЦРУ полевым агентом и периодически исчезал из дома на неопределенное время. Причем сказать точно, когда он снова появится или снова исчезнет, не мог и сам Винс.

Так что относительно длительный совместный отдых случался у мамы с мужем очень и очень редко.

И срывать его сейчас даже ради самых выгодных сделок было бы редкостным свинством.

Поначалу Славка вообще решил отказаться от участия в форуме, но глава российского представительства их концерна сообщил, что владелец «СибАла», одного из крупнейших алюминиевых производств России, господин Кульгирович проявил интерес к немецкому бизнес-гиганту и хотел бы лично переговорить с руководством концерна. Желательно во время проведения Уральского экономического форума, одним из организаторов которого и является господин Кульгирович.

И вот теперь приходится снова и снова шуршать бумагами, лихорадочно проверяя, все ли она запомнила, не

ускользнул ли от слегка подвисшего от напряжения внимания какой-нибудь особенно маленький, но очень важный нюанс.

Да вроде нет, все нюансы дисциплинированно сидят на отведенных им полочках и никуда скользить не собираются.

Ну и ладно, ну и хорошо, и хватит тарашиться в документах, а то голова уже потрескивать начинает от переизбытка информации.

Да и прилетели уже почти, стюардесса ласково проворковала насчет ремней безопасности: не соблаговолит ли мадам пристегнуться?

Соблаговолит.

Уши слегка заложило – лайнер начал снижаться. Внизу замелькали игрушечные домики и полоски дорог. Очень хотелось бы увидеть и горы, но это, увы, позже. В Москве с горами туго, здесь только собственно горцы имеются, причем в основном с Кавказа.

А Уральские горы будут, но под крылом уже другого самолета. Хорошо хоть промежуток между рейсами небольшой, всего три часа. Но за это время надо из Шереметьева во Внуково перебраться, все регистрации и тут, и там пройти, паспортный контроль опять же.

Дитрих, глава их представительства в Москве, клятвенно пообещал герр Демидофф, что пересадка пройдет с минимальными неудобствами для фрейлейн Виктории, он лично встретит ее в Шереметьеве, отвезет во Внуково и проводит

девушку в VIP-зал. Никаких общих накопителей, ну что вы! И самолет будет одной из самых солидных российских авиакомпаний, а не шарашки какой-нибудь.

В принципе все так и получилось. Несмотря на то что Вика вышла в зал прилета одной из первых – ей не надо было ждать багаж, дорожную сумку она оформила как ручную кладь, – лысый колобок с обильно посоленной конопушками лысиной уже ждал ее, наполовину спрятавшись за гигантским букетом цветов.

– Фрейлейн Виктория! – задрезжал он скрипучим тенорком, устремившись навстречу девушке. – Вы прекрасны! Удивительное сочетание красоты и ума, удивительное!

– Здравствуйте, Дитрих. – Вика страдальчески поморщилась, рассматривая букет. – Ну и зачем вы приволокли это сооружение?

– Какое сооружение?

– Цветочное.

– Ах, майн готт, вы еще и чувством юмора обладаете! – Блекло-голубые шарики глаз восторженно закатились под веки.

А Вика едва удержалась от брезгливой гримасы – ей показалось, что из Дитриха сейчас потечет липкий сироп.

Она до сих пор не имела сомнительного удовольствия общаться с этим типом лично, вот с его предшественником, холодновато-вежливым Отто Штольцем, девушка встречалась не единожды, и его отстраненность Вике весьма импониро-

вала. Только профессиональное общение, никаких попыток сближения.

Но увы... Полгода назад Отто погиб в автокатастрофе, и его место занял Дитрих Кнапке, заместитель.

И вроде справлялся неплохо, Слава был вполне доволен. Но лично ни брат, ни Вика до сих пор с герром Кнапке не общались.

Глава 4

Во время их прошлых приездов в Москву и с ней, и с братом, как правило, постоянно был рядом Штольц, предоставив своему заму заниматься текущими делами представительства. Видимо, этих дел натекало много, потому что конопатой лысины Кнапке на горизонте не мелькнуло ни разу.

Наверное, еще и поэтому впечатления от поездки оставались самыми симпатичными, и Вика всегда с удовольствием приезжала в столицу России, используя для этого любой повод. А иногда и без повода, просто так, когда размеренная жизнь в Германии начинала вызывать изжогу. Хотя для лечения изжоги лучше всего подходил родной Минск, где остались школьные друзья и подружки.

Но сейчас изжога накатила семибалльным цунами уже после трехминутного общения с герром Кнапке. Неудержимо захотелось соленых бочковых огурчиков, хрустящих таких, с налипшей веточкой укропа.

А еще вспомнилась книга о Незнайке и коротышках Цветочного города, одна из любимых в детстве. Был там такой персонаж – Сиропчик.

Вот такой герр Сиропчик и стоял сейчас перед Викой, преданно заглядывая ей в лицо застиранными глазками. Слишком преданно. Нарочито преданно.

Да еще и цветы эти дурацкие! Нет, Вика очень любила

цветы, как и любая девушка, но когда они к месту. А сейчас злосчастный букет вызывал лишь раздражение.

– Герр Кнапке, насколько мне известно, мы сейчас в срочном порядке переезжаем в другой аэропорт, откуда я вылетаю в Екатеринбург, верно?

– Да, все так и есть, фрейлейн!

– И как вы себе представляете мой последующий путь с этим венником наперевес?

– Ну что вы, какой же это венник! – Кнапке любовно расправил слегка примявшиеся лепестки лилий. – Это великолепное творение лучших флористов Москвы, никто иной не достоин вашей красоты!

– Дитрих, прекратите петь мне дифирамбы, не забывайте, кто перед вами! – Вика надменно приподняла бровь.

– Невероятно красивая девушка! – Конопатый колобок, похоже, был плохим физиономистом.

– Нет, в первую очередь – ваш непосредственный босс, а вы – мой подчиненный. И если еще раз вы позволите себе нарушить дистанцию, можете искать другое место работы!

– Но я же хотел...

– Герр Кнапке, надеюсь, вы все поняли. – Вика демонстративно посмотрела на инкрустированные бриллиантами часики. – Мне кажется или регистрация на рейс до Екатеринбурга как раз сейчас началась? А мы еще в Шереметьеве.

– Да-да, конечно, – засуетился Дитрих. – Вы возьмите цветы, а я понесу вашу сумку.

– А давайте оставим все как есть: мне – сумка, вам – цветы. Если вы еще не поняли – мне ваш дизайнерский букет будет только мешать. Во-первых, он слишком большой, во-вторых, в нем есть лилии, а эти цветы обладают слишком сильным для ограниченного пространства ароматом, и мне вовсе не хочется доставлять неудобства остальным пассажирам. Ну и в-третьих – ваша профпригодность вызывает у меня все большие сомнения.

– Почему? – Кнопке старательно удерживал на лице маску преданной вежливости, но в глубине блеклых глаз мелькнула злоба.

– Потому что до сих пор не знаете, что я не люблю лилии, у меня от их запаха голова болит. Герр Штольц, к примеру, был прекрасно осведомлен об этом.

– А мне кажется, профпригодность главы представительства вашей фирмы заключается вовсе не в изучении привычек руководства, а в ведении бизнеса. – Он все еще улыбался, вот только улыбка стала больше похожа на гримасу. А злоба в глазах не просто мелькала, она переполнила не очень большие шарики, выплескиваясь через край.

– Ну что ж, – сухо процедила Вика, – не смею больше задерживать. Дайте мне мой билет, дальше я справлюсь сама. И побыстрее, у меня не так много времени осталось.

– Фрейлейн Виктория, вы меня не так поняли...

– Я вас прекрасно поняла. Билет!

– Но...

– Да не тряситесь вы! – Девушка с брезгливым недоумением рассматривала внезапно побледневшего Кнапке. – Я не собираюсь звонить брату или матери и жаловаться на вас.

– Я вообще... – Конопатый колобок вытащил из кармана носовой платок размером с солдатскую портянку и промокнул им вспотевшую лысину. – Я должен, я обещал!

– Билет!!! – Вика прекрасно научилась превращать свой мелодичный голос в звякающий металлом.

Кнапке закопошился в карманах, попытавшись пристроить букет под мышку, но творение лучших флористов Москвы не желало находиться в таком соседстве и с возмущенным шуршанием стало падать.

Дитрих испуганно ахнул, вылиняв до синевы, и устремился вслед за цветами, пытаясь подхватить их на лету. Не получилось – букет все же упал на пол.

И хотя Кнапке тут же поднял его, на полу осталась странная желтоватая пыльца. И все попытки немца растереть ее подошвой увенчались неудачей – желтое пятно по-прежнему можно было заметить.

Вот только замечать было некому.

Одновременно с букетом к полу устремился и освобожденный из кармана билет на самолет, выпавший из рук перепуганного Кнапке. И пока тот возился с цветами, Вика подняла билет и торопливо направилась к выходу из аэропорта.

Догонять ее немец не стал. Но и шаркать ногой по полу, пытаясь затереть желтое пятно, тоже прекратил. Он с

ненавистью посмотрел вслед удаляющейся девушке, процедил сквозь зубы что-то явно не из творчества Гете и затолкал злосчастный букет в ближайшую урну.

Потом вытащил из кармана мобильный и набрал номер:

– Алло, это я.

– Почему ты мне звонишь? По плану ты сейчас должен сидеть в машине, увозя во Внуково обнимающую букет Викхен.

– Не получилось.

– То есть? Викхен не прилетела?!

– Прилетела.

– Ты опоздал?!

– Нет, я прибыл вовремя.

– Тогда какого дьявола ты смеешь мне лепетать о неудаче?

– Она отказалась взять цветы и уехала во Внуково одна.

– Что-о-о-о?! Ты что натворил, идиот?!

– Ничего я не творил! Оказалось, что фрейлейн Демидофф терпеть не может лилии, у нее от этих цветов голова, видите ли, болит. И вообще, эта девица слишком много о себе воображает! Нахамила мне, пообещала уволить!

– А знаешь, Дитрих, Викхен, судя по всему, права.

– В чем?

– В том, что ты не соответствуешь своей должности. Напрасно я сделал на тебя ставку. Не знать, что у фрейлейн Демидофф имеется аллергия на цветы! И это при том, что именно цветы играли в нашем плане основную роль! Зна-

ешь, в какую сумму мне обошелся препарат, которым были обработаны лепестки?! И что в итоге – девушка одна едет во Внуково, а ты торчишь посреди Шереметьева с букетом в руках, как последний кретин!

– Ничего не с букетом, – проворчал Кнапке.

– В смысле? Ты же сказал, что Викхен отказалась его брать!

– Ну да, отказалась. И я выбросил цветы – зачем они мне теперь?

– В урну?! Ты идиот! Немедленно заведи их оттуда!

– Ладно-ладно, зачем же так нервничать? – Кнапке повернулся к урне и замер – букета там не было.

Но говорить об этом нельзя, опасно. Смертельно опасно. Этот человек ошибок не прощает. А он, Дитрих, и так про штрафился сегодня.

– Ну что, забрал? – напомнил о себе собеседник.

– Да.

– Хоть один твой промах удалось исправить. В этой стране, как ты знаешь, полно любителей халявы. – Это слово собеседник произнес на русском. – Представляешь, что было бы, позарься кто-то на роскошный букет и преподнеси заряженный психотропным препаратом презент своей даме?

– А что – спасибо сказал бы, дама ведь превратилась бы в покорную безвольную самку, готовую выполнять любые приказы. Делай с ней, что хочешь! – гадко хихикнул Кнапке.

– Веселишься? Ну-ну. Забыл о судьбе своего предше-

ственника? Будь Штольц поговорчивее, сейчас бы не лежал в могиле.

– Нет, что вы, я не веселюсь! Что дальше делать? Поехать вслед за фрейлейн Демидофф?

– Зачем? Ты уже ничего не сможешь исправить, придется мне импровизировать. Но ничего, несколько часов у меня в запасе до прибытия ее рейса есть. А ты возвращайся в Москву и приготовься к атаке безутешных родственничков фрейлейн Демидофф.

– А с цветами что делать?

– Где-нибудь по пути выйдешь и в мусор спрячешь. А перед этим хорошенечко потопчись по ним, чтобы товарный вид утратили.

– Понял. А... Вы меня не уволите, когда бизнес этих русских выскочек к рукам приберете?

– Посмотрим.

И собеседник отключился.

Кнопке вытащил из кармана ключи от машины и, озабоченно оглядываясь по сторонам – вдруг наткнется на любителя цветов из урны, двинулся к выходу.

Кажется, обошлось. В конце концов, если даже и нанюхается какая дамочка цветочков, ничего страшного не случится.

Глава 5

Рейс Москва – Екатеринбург был внутренним, российским. И уровень обслуживания был такой же. Внутренний. Нет – нутряной.

И бизнес-класс патриотично не поднимался выше заданной планки.

Хотя вполне вероятно, что Вика сейчас все видела через искажающую действительность призму отвратительного настроения, первоисточником которого стал герр Кнапке-Сиропчик, а затем эстафету подхватил хорошенечко накушавшийся водочки «папик».

Определить род деятельности этого дрябло-морщинистого обладателя мясистого утинового носа, из ноздрей которого торчали омерзительные клочья шерсти, было довольно сложно – с одинаковым успехом он мог быть и топ-менеджером, и владельцем бизнеса, и депутатом, и чиновником, и бандитом – да кем угодно из власть и деньги имущих.

И привыкших по этой причине получать все, что унюхает его гадкий клюв.

В этот раз он унюхал любимый Викой аромат от «Шисейдо», затем разглядел ухоженное кареглазое личико, густые блестящие волосы, стройную и весьма сексапильную фигурку и немедленно возжелал заполучить цацу себе.

А то, что цаца явно не нуждалась в богатеньком спонсоре

– одни часики от Картье стоили не меньше «мерсюка» этого типа, – «папика» не остановило.

И часы полета превратились для Вики в сутки. Навязчивые ухаживания лоснящегося от похоти «красавчика» практически вынесли девушке мозг и окончательно похоронили хорошее настроение, с которым Вика ступила на российскую землю.

А обрызгший могильный камень этого настроения продолжал с дурным энтузиазмом трамбовать место захоронения:

– Пупсик, да прекрати ты сжимать свои хорошенькие губки, скажи Виталику что-нибудь ласковое! Вот увидишь, как Виталик тебя за это наградит! У Виталика много возможностей, Виталик на Урале царь и бог!

Эта фраза заставила сидевшего в первых рядах мужчину оглянуться. Видимо, ему тоже было любопытно лично лицезреть уральского самодержца, именующего себя, как и положено венценосной особе, в третьем лице.

Вика еще при посадке обратила внимание на этого странного пассажира. Высокий, стройный, худощавый, гибкие движения, великолепно сидящий костюм от Бриони – мужчина казался инородным включением в собравшейся в накопителе толпе. И роскошный костюм тут был совершенно ни при чем, это сейчас вовсе не редкость.

А вот молочно-белая, словно никогда не видевшая солнца кожа, длинные волосы платинового оттенка, зачесанные

назад, идеальной формы твердые губы, великолепный подбородок, и все это в сочетании с совершенно ненужными в пасмурный осенний день непроницаемо-черными солнцезащитными очками не могло не привлечь к себе внимания остальных пассажиров. В том числе и Вики.

Откровенно тарашиться на необычного мужчину, как это делали некоторые дамочки, она не могла. К тому же прилипший, как обертка от мороженого, клювоносец забирал все внимание Вики.

Но она все же ловила себя на странном желании подойти к мужчине поближе и снять с него очки. Нет, черты лица девушку не очень волновали, и так было видно, что они классические, словно у ожившей античной скульптуры.

Вика хотела увидеть его глаза.

Зачем, почему – объяснить этого не могла. Как и непривычного покалывания, пронесшегося вдоль позвоночника, когда они с незнакомцем случайно столкнулись при посадке в самолет.

Мужчина, кстати, тоже вздрогнул и, вполголоса извинившись, пропустил девушку вперед.

И Вика могла поклясться, что он смотрит ей в спину сквозь черные стекла своих очков.

Но потом незнакомец занял свое место впереди и больше ни разу не обернулся.

До тех пор, пока осточертевшая Вике особь не провозгласила себя уральским божеством и по совместительству – ца-

рем.

Царь Виталик между тем решил усилить натиск и заполнить наконец все более желанную игрушку себе. А то ишь, цену себе набивает, даже разговаривать не желает, делает вид, что рядом никого нет! Да знаем мы таких, дорогая штучка, сразу видно, но ничего, денег у нас хватит.

– Все, кисуня, договорились! – хрюкнул от возбуждения утконос. – Сейчас прилетим и из аэропорта сразу поедем в ювелирный салон, выберешь себе там все, что захочешь. А потом – ко мне, в мое десятикомнатное скромное бунгало, отметим знакомство в баньке, ладушки?

Вика, все это время сосредоточенно смотревшая в иллюминатор, повернулась к обрюзгшему Виталику и пару секунд с холодным вниманием рассматривала его рожу, вблизи оказавшуюся еще гаже – стали видны черные точки на обширной поверхности клюва.

Незнакомец в черных очках, увидев это, понимающе усмехнулся и утратил интерес к царю и богу Урала, приняв прежнюю позу.

Это почему-то задело Вику гораздо больше, чем грязные намеки утконоса.

Она прищурилась и, поджав губы, нажала кнопку вызова стюардессы.

– Да зачем же, лапонька? – оживился Виталик, решивший, видимо, что лед тронулся. – Все, что тебе надо, я принесу, ты только скажи! Открой же ротик, я люблю открытые ротики!

Очень хотелось снять туфлю и врезать шпилькой по ква- кающей роже, но Вика как юрист прекрасно понимала все последствия этого поступка. Да и десять лет жизни на немец- кой земле научили сдержанности.

Поэтому она дождалась появления стюардессы – тетки лет сорока в плохо сидящей форме – и, позванивая сталью в го- лосе, поинтересовалась:

– Объясните мне, девушка, почему я должна терпеть неудобства в бизнес-классе?

– Какие неудобства? – приподняла выщипанные в нитку брови «девушка». – Вам плед нужен? Или пить хотите? Так вы скажите, зачем же терпеть?

– К неудобствам, причем весьма надоедливым, я отно- шу вот ЭТО. – Брезгливо поморщившись, Вика указала на сияющего улыбкой триумфатора-попутчика. – Уберите его немедленно!

– Что значит – уберите? – подбоченилась стюардесса. – Он такой же пассажир, как и вы, между прочим, и у него посадочный талон как раз на место рядом с вами!

– Seriously? – тоже приподняла бровь Вика. – Но тогда почему при взлете ЭТО сидело на другом месте, потом, я ви- дела, оно о чем-то пошептало с вами, любезная, и оказа- лось рядом со мной, на пустовавшем до того момента месте? Сколько оно вам заплатило?

Тетка побагровела, со свистом набрала полную грудь воз- духа, чтобы достойно ответить, но тут до Виталика, видимо,

дошло – его не уважают. Он вскочил со своего места и, нависнув над Викой, заверещал, брызжа слюной:

– Это кто тут «оно»?! Ты кого, сучка, за мужика не держишь?! Я тебе что, педик, чтобы меня «оно» звать?! Я тебе, дрянь, сейчас при всех вдую, чтобы знала, кто тут мужик!

– Видите? – слегка отклонившись в сторону от летящих брызг, спокойно произнесла девушка, демонстративно игнорируя угрозы и мат уральского божества. – Любопытно, как вообще эта особь оказалась в пассажирском салоне, а не в клетке в багажном отсеке, но это уже отдельная тема для разбирательства. В салоне есть дрессировщик или хотя бы ветеринар с транквилизатором?

– Ах ты!.. – Утиный нос Витальки стал фиолетовым, шерсть в нем вздыбилась, физиономию перекосило от ярости. – ... холеная! Небось уже сосешь кому-то, да?! Крутая, да?! Думаешь, трахатель твой тебя защитит?! На земле, может, и да, но здесь, сейчас я тебя научу вежливости!

Он оскалился и размахнулся. Стюардесса завизжала и с топотом ломанулась за штору, а Вика вместо того, чтобы хотя бы попытаться защититься от удара, продолжала с презрением смотреть в бешеные глаза хама.

Где-то на задворках сознания мелькнула мысль: «Хороша я буду на переговорах с подбитым глазом».

Но царь и бог Урала почему-то застыл в нелепой позе, с занесенной для удара рукой и с выпученными глазами.

А потом послышалось характерное журчание, и брючата

Виталика намокли.

Но он по-прежнему стоял, не шелохнувшись, и злоба в его глазах сменялась ужасом. Где-то через минуту утконос судорожно дернулся и, по-бабьи взвизгнув, грохнулся на пол.

Остальные пассажиры, до сих пор тихо сидевшие по своим местам, зашевелились, кто-то вскочил, кто-то закричал, шум и суета нарастали.

И только один человек снова надел черные непроницаемые очки и спокойно погрузился в чтение газеты.

Но Вика теперь знала – глаза у незнакомца серебряные.

Глава 6

Час перед посадкой прошел, нет – пробежал, подгоняемый суетой вокруг уральского самодержца. Сначала Виталька грузным кулем лежал в проходе между рядами, закатив глаза и подвывая. Но довольно быстро в салоне эконом-класса удалось найти врача, который не обнаружил у страдальца никаких нарушений состояния здоровья: давление оказалось в норме, пульс тоже, сердце работало без перебоев.

И с утконосом перестали церемониться, посчитав его обычным алкашом, упившимся до... до недержания мочи, в общем.

Пассажиры бизнес-класса устроили коллективный ор, не желая находиться в одном салоне со смердящим чмом. Попытка перевести его в эконом-класс закончилась еще большим ором – народу там побольше летело, – к тому же и мест свободных там не оказалось.

В общем, царь и бог Урала до конца полета вынужден был ютиться в кресле бортпроводников, причем на подстеленном под задницу пластиковом пакете, чтобы не намочить сиденье. Вся его фанаберия куда-то трусливо юркнула, оставив хозяина один на один с разгневанной стюардессой, которой пришлось в срочном порядке мыть пол, ликвидируя следы Виталькиного позора.

Недавний казус стал темой живого обсуждения до само-

го конца полета, версия, само собой, была одна – пить надо меньше. Некоторые дамы постарше выражали искреннее сочувствие Вике, со смехом вспоминая ее слова о незадачливом кавалере. Мужчины презрительно морщились – не умеешь пить, не берись. Вот мы бы никогда так не оскандалились!

Но вы и не попытались осадить зарвавшееся быдло, когда оно чуть было не избило девушку.

Вике вспомнилась программа одного из каналов российского телевидения, которую она случайно включила на середине. Очередное так называемое ток-шоу, на котором дружно орут ни о чем.

Что, собственно, было темой обсуждения в тот раз, Вика так и не поняла, потому что переключила канал через пять минут просмотра. Не было сил наблюдать за тем, как какой-то незнакомый ей мужик, судя по репликам ведущего, то ли актер, то ли певец, здоровенное накачанное чмо с выкрашенными хной лохмами, одетый так, как на Западе одеваются гомосексуалисты – кожаные обтягивающие брючата, майка с вырезом до пупа, груды цепей, браслетов и фенечек, – буквально навис над сидящей на диване интеллигентной женщиной, поливая ее площадной бранью. И никто, НИКТО – ни ведущий, ни мужчины из числа зрителей, ни охрана, в конце концов, – даже не попытался остановить этот беспредел.

Вике стало тошно, и она переключила канал.

А здесь канал не переключишь, и, если бы не помощь незнакомца, сидеть бы ей сейчас с фингалом под глазом. И это в лучшем случае.

Только странно, что никто, кроме нее, так и не понял, что случилось с Виталиком на самом деле.

Может, потому, что все их внимание было сосредоточено на утконосе?

Но и она, Вика, тоже поначалу смотрела в бесноватые глаза хама и, только когда он застыл, сразу перевела взгляд на незнакомца. Почему?

Она не знала. Это было рефлекторно, в то мгновение ею управляло подсознание.

И первое, что Вика увидела, – глаза. Странные, невозможные, мало похожие на человеческие, с большой серебристой радужкой и пульсирующим фиолетово-черным зрачком.

Эти глаза в упор смотрели на утконоса, и Вике показалось, что она видит поток энергии, парализующий хама.

А теперь незнакомец снова надел очки и даже, кажется, задремал в кресле, ни разу больше не обернувшись к девушке.

Ну и ладно, ну и пусть, спасибо и на этом. В конце концов, помог ведь! И чего ты еще хотела? Чтобы пересел на место незадачливого Виталика, познакомился, пригласил на свидание? И вообще – пал к твоим ногам, сраженный неземной красотой?

Тебе сколько лет, подруга? Шестнадцать? У тебя мозги

Барби и романтические сны? В сказки о принцах ты перестала верить еще там, в Чехии, когда блондинистый красавчик, владелец замка, едва не убил твоих мать и брата. Жизнь – штука жестокая, и места для романтики в ней нет.

Вот.

Тогда почему ты украдкой вытираешь слезы? Почему тебе так обидно? И даже больно, словно ты нашла что-то ценное, только твое, родное, протянула руку, чтобы взять, а это – мираж.

Успокойся, тебе все показалось, и правы пассажиры – утконос действительно просто упился в сопли, вот и оконфузился. И никто его не гипнотизировал, никто им не управлял.

И серебряных глаз не бывает, а этот тип прячется под очками, потому что он альбинос, и глаза у него красные, как у белой крысы.

Так что хватит шмыгать носом, бумаги лучше просмотри! Ты ведь собиралась их в этом полете еще раз проштудировать, а из-за душки Виталика планы оказались там же, где и хорошее настроение.

И вообще, хороша ты будешь с распухшим от рева носом и покрасневшими глазами перед встречающими! К тому же вон та тетушка из кресла в левом ряду уже сочувствующе поглядывает в твою сторону, вот-вот созреет для успокоивания.

Тебе оно надо? Тебе оно не надо. Так что марш в туалет,

приведи себя в порядок и соберись с мыслями, настройся на деловой лад. Ты в такую даль забралась вопросы бизнеса решать, а не на блондинистых мужиков заглядываться!

Тем более что после появления в твоей жизни Фридриха фон Клотца ты терпеть не можешь блондинов, и все твои бойфренды с тех пор исключительно смуглые кареглазые брюнеты. В крайнем случае – шатены.

А тут вообще бледная поганка какая-то! Нет, мучной червяк! Альбинос противный! Не бывает у нормальных людей такой кожи, таких волос, таких серебряных глаз...

Да не серебряные они, с чего ты взяла! Сто пудов – красные противные глазки, а то тебе померещилось с перепугу.

Стюардесса как раз закончила мыть пол возле кресла Вики, и девушка поднялась с места.

– Вы куда? – враждебно осведомилась упревшая от возни бортпроводница, явно считавшая эту скандальную пассажирку виновной в случившемся.

– А я обязана отчитываться?

– Так вот-вот на посадку самолет пойдет, табло загорится.

– Пока ничего не горит, так что занимайтесь, будьте любезны, своими делами и не мешайте!

Стюардесса, бурча себе что-то под нос, отошла в сторону, давая Вике дорогу.

Теперь надо пройти мимо дрыхнувшего в своем кресле блондина так, чтобы не задеть его. А то подумает, что пристаю!

Но именно в тот момент, когда Вика оказалась возле кресла незнакомца, его рука соскользнула с подлокотника и задела ладонь девушки.

И, скорее всего, рефлекторно сдавила ее, причем довольно сильно.

На этот раз покалыванием вдоль позвоночника не обошлось, по телу словно рой бабочек пронесся.

Вика ахнула от неожиданности, но никто ничего не услышал сквозь рев самолетных турбин.

А блондин, похоже, даже не проснулся, его рука уже безвольно висела вдоль кресла, грудь мерно вздымалась, а лицо было безмятежно-спокойным.

Да что ж такое! Никогда никто из ее бойфрендов не мог добиться от Вики бабочек в животе: с ними было классно, приятно, иногда очень приятно, но и все. И нормально.

А тут – всего лишь легкое сонное пожатие, а бабочки не только в животе, но и по всему телу!

И ноги подгибаются. И сердце в груди трепыхается безумным воробышком.

– Девушка, табло включили! – Злорадный голос стюардессы стал весьма действенным моральным пенделем, заставившим мобилизоваться.

Так что из туалета вышла уже прежняя Вика – сосредоточенная, деловая, с умытым свежим личиком, с собранными в гладкую прическу волосами.

Она, даже не взглянув на проснувшегося блондина, быст-

ро прошла по проходу на свое место, села, пристегнулась ремнями безопасности и до самой посадки шуршала бумагами.

Глава 7

Толпа на паспортном контроле и суета в зале прилета помогли Вике окончательно избавиться от навязчивых мыслей, в которых главным персонажем был все тот же незнакомец. В Екатеринбург почти одновременно прибыли несколько внутренних рейсов и один международный – из Китая.

Причем складывалось впечатление, что из Китая прилетел не пассажирский самолет, а грузовой тяжеловоз, плотно набитый жителями Поднебесной – узкоглазые щуплые невысоклики, громко щебечущие на своем языке, были везде.

Причем в зале прилета, там, где крутились багажные транспортеры, к невысокликам добавились еще и их огромные клетчатые баулы, и свободного пространства осталось совсем мало.

Едва не порвав колготки о край тележки, к которой был привязан такой баул, Вика едва удержалась от возмущенного ора. Но какой смысл орать, если объект возмущения восхищенно тарашится на тебя щелочками глаз, кланяется и что-то страстно лепечет – извиняется, наверное.

И все равно ничего не поймет.

В общем, в зал, где толпились встречающие, девушка вышла, нет – вылетела, словно ракета фейерверка, готовая в любую секунду взорваться накопившимся негативом.

И для романтических вздохов по несбывшемуся места в

душе не осталось.

К тому же блондин после выхода из самолета словно растаял – его не было видно ни на паспортном контроле, ни в зале прилета, ни здесь, в зале ожидания.

А вот Виталик был. И, судя по встречавшим его шкафообразным типам, затянутым в лопавшиеся на плечах черные костюмы, здесь, в Екатеринбурге, он действительно что-то значил.

И на бритые головы ни в чем не повинных бодигардов обрушилась вся злоба, перекипевшая за последние минуты полета в душе протрезвевшего от унижения уральского самодержца. Или самодура?

Хотя... нельзя сказать, что встречавшие шефа парни были совсем не виноваты. Один из них удивленно вытаращился на мокрые брючата утконоса, а второй непроизвольно сморщил нос, учуяв гнусное амбре.

Вот и обтекали теперь, сопровождая босса в туалет, где тот, видимо, решил все же переодеться в сухое.

Не то чтобы Вика специально следила за судьбой незадачливого ухажера, чувствуя себя в ответе за тех, кого приручили (пусть и непроизвольно), – просто среди встречающих она не нашла человека с табличкой, на которой было бы указано ее имя. Так что пришлось на какое-то время задержаться и стать свидетелем венценосного гнева.

А потом в зал повалила толпа щебечущих невысокликов, и стало совсем грустно. Вернее, некомфортно. Нет, непри-

ятно.

Да чего уж там – погано стало, по-га-но!!!

Ужжжасно захотелось кого-нибудь отколошматить. Власть так попинать за все! За липкого герра Сиропчика, за тошнотного Виталика, за надменного блондина, за свое испорченное настроение, за...

– Госпожа Демидова?

Вика так резко обернулась, что ее стянутые на макушке в хвост волосы хлестнули по лицу наклонившегося к ней высокого тощего мужчины с гладко прилизанными, буквально прилепленными к черепу редкими серыми волосами.

Именно серыми, не седыми. И весь он был какой-то серый, словно пеплом присыпанный, и радужка глаз отливала тусклым свинцом.

Поэтому, наверное, роскошный букет солнечно-желтых пушистых хризантем казался в руках этого типа инородным телом.

Вежливая улыбка, соответствующая случаю, исчезла, смелая прицельным ударом Викиных волос, на мгновение сменившись злостью.

Но только на мгновение... Это явно был холуй высшей категории, умеющий чутко улавливать настроение власть имущих. Или особ, приравненных к таковым, коей в данной ситуации являлась эта ухоженная девица с подрагивающими от гнева ноздрями. И то, что ее лохмы только что засандалили прямо в глаз, отчего глаз немедленно заслезился, гостью со-

вершенно не смутило. Девушка продолжала похихивать от возмущения.

Подумаешь, опоздал на пару минут! Коза!

– Я не ошибся? – нацепил еще более приветливую улыбку мужчина. – Вы ведь госпожа Демидова?

– Если учесть, что практически все пассажиры рейса Москва – Екатеринбург уже давно покинули здание аэропорта и сейчас здесь в основном китайцы с баулами, ошибиться довольно сложно, – процедила Вика.

– Прошу прощения за задержку...

– За опоздание.

– Да, конечно, виноват! Организационные проблемы ни в коем случае не должны касаться участников форума, но так уж получилось – человек, который должен был заниматься лично вами, куда-то запропастился, и пришлось мне взять на себя эту приятную миссию. Позвольте представиться – Альгис Раманаускас, ассистент господина Кульгировича. – «Серый» склонил голову и вручил Вике букет. – Пока не подберут вам нового помощника, сопровождать вас буду я.

– А зачем меня сопровождать? – пожала плечами девушка. – Я вроде вполне адекватна, в опекунах не нуждаюсь.

– Вы не только красивы, но и умны!

– Дико, правда?

– И с чувством юмора!

– Да, я еще и вышивать могу.

– Серьезно?!

Он что, «Каникулы в Простоквашине» не смотрел? Сейчас скончается от восторга, причем совершенно искреннего.

Хороший лакей, вышколенный.

– Господин Раманаускас...

– Просто Альгис, прошу вас.

– Хорошо. Альгис, мы так и будем здесь стоять? Я, если честно, устала и хотела бы побыстрее попасть в свой номер. Мне, надеюсь, забронировали соответствующий номер или опять накладка произошла, и вы поселите меня в рабочей общаге?

– Ну что вы, как можно! Господин Кульгирович лично проследил за тем, чтобы вам забронировали президентский люкс в лучшем отеле города! А завтра вечером он ждет вас на приеме, посвященном открытию форума.

– А мое присутствие там обязательно? – поморщилась Вика.

– Желательно, конечно, Борис Исаакович никого не принуждает. Но он будет вас ждать.

– Хорошо, – тяжело вздохнула девушка. – Я приду. А сейчас – поехали.

– А разве мы не ждем ваш багаж?

– Мой багаж со мной.

– И это все? – на этот раз действительно искренне удивился Раманаускас, разглядывая изящную дорожную сумку Вики.

– Мне хватит.

– Вот что значит немецкая собранность!

– То, что я живу в Германии, вовсе не означает, что я немка.

– Но корни-то у вас немецкие, – улыбнулся «серый», подхватывая сумку. – И именно они сделали из вас совершенство. Прошу вас.

Он посторонился, пропуская Вику к выходу из здания, затем двинулся следом, подсказывая направление.

Собственно, далеко идти не пришлось. Практически у самого выхода вальяжно растянулся сверкающий черным лаком лимузин, у задней дверцы которого застыл шофер в униформе.

Увидев Раманаускаса, сопровождающего гостью, водитель услужливо склонился и распахнул перед девушкой дверцу авто.

Особого восторга от кожаной роскоши салона Вика не испытала: у их семьи тоже имелся лимузин, причем не один – Славка предпочитал своих гостей возить на брутальном «Хаммере».

Но и злость от предвкушения удобной поездки начала выцветать, превращаясь в прозрачную дымку.

В общем, можно было бы и расслабиться, если бы не...

Странный дискомфорт, от которого сводило лопатки, словно туда, точнехонько в середину спины, целился снайпер.

Усаживаясь в лимузин, Вика оглянулась по сторонам. И

нашла источник дискомфорта.

В дверях аэровокзала стоял утконос. Переодетый, причесанный, почти вальяжный. Переполненный ненавистью.

Сконцентрированной в его сверлящем Вику взгляде.

Глава 8

Фу ты, всего лишь Виталька! Ничего серьезного.

Но Раманаускас, похоже, так не думал. Он тоже заметил мешок со злобой, торчавший неподалеку, и удивленно заинтересовался:

– А почему на вас так странно смотрит Портнов? Вы разве знакомы?

– С кем – с этим? – пренебрежительно фыркнула Вика. – Еще чего не хватало! Вы всерьез полагаете, что подобная особь может входить в число моих знакомых?

– Почему нет? Виталий Федорович Портнов – весьма заметная фигура на Урале, местный водочный король.

– Да хоть император вселенной! Наглый мерзкий тип, который искренне полагает, что все женщины по сути своей шлюхи, главное – назвать правильную цену. И когда его игнорируют, начинает вести себя совершенно по-хамски. Ну, что вы застыли возле машины? Поехали, я устала!

– Да, конечно, – засуетился Альгис, усаживаясь на переднее сиденье.

Но выражение его лица Вике не понравилось. Серьезное, озабоченное, брови нахмурил. Его что, так напрягло упоминание о конфликте с утконосом?

Подумаешь, водочный король! Кем бы он ни был, а с Кульгировичем вряд ли станет бодаться, весовые категории

слишком разные.

Но смутное ощущение беды уже опустилось темной вуалью на душу. А лучшее средство от таких вот заморочек – хорошее вино, которое обязательно должно быть в мини-баре этого лимузина.

Было. Правда, белое, а Вика больше любила красное, но зато урожая правильного года. Рядом гордо позвякивали друг о дружку стеклянными боками виски, коньяк, водка, текила, непреременный мартини, но с крепкими напитками девушка не дружила. Потому что невкусно.

А бокал хорошего вина – и вкусно, и расслабиться помогает.

Ну что же, с прибытием тебя на уральскую землю, фрейлейн Демидовфф!

Отель, возле которого остановился лимузин, выглядел неплохо, причем не только снаружи, но и внутри. И номер, в котором Вике предстояло провести ближайшие несколько дней, был не безжизненно-чопорным, как часто случается с так называемыми президентскими номерами, а весьма и весьма уютным. И комфортным. Две комнаты – спальня и гостиная, огромная ванная с джакузи и душевой кабинкой, похожей на рубку космического корабля, пушистые халаты, полотенца, тапочки в упаковке, мягкий ковер, в котором нога утопала по щиколотку, а самое главное – тишина и покой.

– Ну, как вам номер? – улыбнулся Альгис.

– Выглядит неплохо. – Вика бросила сумочку на диван и

устало опустилась в мягкое кресло, тут же заботливо обнявшее девушку. – Надеюсь, и обслуживание в этом отеле на должной высоте.

– Разумеется!

– И ночных звонков с предложением развлечься не будет? А то в Москве, помню, спать не давали проститутки обоих полов.

– Странно, – пожал плечами Раманаускас, – такое обычно бывает в дешевых отелях, две-три звезды.

– Увы, и столичные пятерки, как оказалось, грешат подобным «сервисом».

– Здесь вас никто не побеспокоит, гарантирую.

– Вот и замечательно. А ужин можно в номер заказать? Не хочу в ресторан спускаться, устала от толпы.

– Не только можно, но и нужно, – посерьезнел Альгис.

– В смысле?

– Господин Кульгирович не предполагал, что вам понадобится дополнительная охрана, в этом отеле своя служба безопасности на высоте, поэтому личного секьюрити вам пришлют только завтра утром, а до этого момента вам лучше не выходить из номера.

– Что за ерунда! – поморщилась девушка. – Какой еще личный секьюрити, о чем вы? Я что, банкир какой-нибудь? Или криминальный босс?

– Вы – нет, а вот Портнов, которого вы, судя по вашим словам, обидели и, насколько мне удалось узнать, еще и уни-

зили при всех, не только водочный король, но и криминальный, как вы выразились, босс. Жестокий и весьма опасный тип, к тому же злопамятный. И если в городе узнают, что он оставил подобную ситуацию без последствий, его авторитет начнет трещать по швам.

– Да кто его унижал! – фыркнула Вика. – Он сам упился до такой степени, что обмочился.

– Что-о-о?! – буквально выцвел Раманаускас. – Портной... простите, Портнов что сделал?

– Надул в штаны, если вам так понятнее. А поскольку переодеться ему было не во что – сухие брючата лежали в багажном отделении самолета, остаток пути Виталик провел на подстеленном под мокрую попку пластиковом пакете, сидя в кресле бортпроводников.

– Почему там?!

– А потому что ни в бизнес-, ни в экономклассе пассажиры не изъявили желания находиться рядом с вонючкой.

– Та-а-ак, – протянул Раманаускас. – А дела-то обстоят гораздо хуже, чем мы с господином Кульгировичем предполагали. Пожалуй, вам имеет смысл перебраться из гостиницы в дом Бориса Исааковича, там вас точно не достанут.

– Бред какой-то! – разозлилась Вика. – Зачем меня доставать? Этот ваш Портнов сам, понимаете – САМ виноват в случившемся! Пить надо меньше, если не умеешь! Я, что ли, должна его сфинктер под контролем держать?

– Да в том-то и дело, что пить Портнов как раз умеет! И

никогда, слышите – никогда он не допивался до подобного конфуза! Да еще при всех, да еще потом ощущать себя выдворенной вон собакой! И хорошо, если не нашлось в салоне какого-нибудь придурка, который заснял произошедшее на мобильный телефон!

Раманаускас взъерошил реденькие волосенки и забегал по комнате, что-то бормоча себе под нос.

Вика озадаченно наблюдала за ним, искренне не понимая причин для подобной паники.

– Альгис, прекратите нагнетать! Мы ведь не на Диком Западе, в конце концов! У вас тут что, полиция так, для галочки? И закон только на бумаге? В конце концов, кем бы ни был этот ваш утко... гм, Портнов, вряд ли он решится на конфликт с вашим боссом, пытаясь навредить гостье Бориса Исааковича.

– В открытую – нет, но ведь с гостьей может произойти несчастный случай, верно?

– Все, хватит меня запугивать! – Вика рывком поднялась с кресла и направилась в прихожую, где стояла ее дорожная сумка. – Уже довольно поздно, вам пора. Я поужинаю и лягу спать, обещаю. И никуда из номера не выйду, честное слово! Я и не собиралась, между прочим, устала очень.

– Минуточку! – Раманаускас вытащил из кармана мобильный телефон и зашел в спальню, плотно прикрыв за собой дверь.

Вика уже распаковала почти всю сумку, когда он снова

появился в дверях:

– Виктория Андреевна, вам придется потерпеть мое присутствие еще какое-то время, до тех пор, пока не прибудет ваша охрана.

– До утра?!

– Нет, от силы пару часов. Борис Исаакович хочет пригласить сюда лучших своих людей. Мы сначала хотели сегодня же перевезти вас в загородный дом господина Кульгировича, но туда минимум полчаса езды по пустому вечернему шоссе, мало ли что может произойти. Так что решено оставить вас здесь до утра, а потом уже сопроводить к Борису Исааковичу.

– Господи, ну что вы в войнушку все играете! – устало опустилась на диван девушка. – Как дети, честное слово! Сам же сказали: служба безопасности в отеле профессиональная, так предупредите их, в конце концов! Ну не пойдет же этот ваш Портнов на штурм, он же не рехнулся окончательно! И вообще, если все так серьезно, как вы говорите, я завтра же улечу домой! Не хочу всюду таскаться с громилами за спиной! Мы, безусловно, заинтересованы в совместном бизнесе с господином Кульгировичем, но вести его будем в цивилизованном мире. Так что пусть Борис Исаакович прилетает в Германию, там и поговорим.

– Но... – растерялся Альгис. – Ведь сюда приехали еще несколько человек, настроенных на встречу с вами. У них есть очень интересные предложения, которые хотелось бы

обсудить... И поверьте, собрать их одновременно в одном месте стоило немалых усилий!

– Но вы же сами устроили тут вселенскую панику: «Ах, Портнов, великий и ужасный мафиози, он распнет меня на площади и заставит описаться!» В данном случае позор будет смыт не кровью, а продуктом выделительной системы.

– Извините, если я вас расстроил...

– Не расстроили – разозлили.

– Но ситуация действительно серьезная, ничего подобного с Портновым еще не случалось, и просчитать его действия в данном случае довольно сложно. Поэтому мы и нервничаем. Но поверьте, как только вы окажетесь под личной опекой господина Кульгировича, Портнов вынужден будет угомониться! А пока вам надо всего лишь потерпеть мою компанию еще какое-то время. В конце концов, я могу и в коридоре посидеть, у двери.

– Да ладно, сидите здесь, – Вика кивнула на одно из кресел. – Заодно ужин закажите, пока я душ принимаю.

– Что заказать?

– Что-нибудь легкое – рыбу или куриное филе, овощи. Сообразите сами.

– Хорошо. И спасибо за понимание.

– Обращайтесь.

Глава 9

Теплая вода, уютно мурлыкая, смывала накопившиеся напряжение и усталость. Не верилось, что еще сегодня утром она, Вика, принимала душ у себя дома, в Берлине, – столько всего произошло. И зачем она согласилась лететь с пересадкой? Летела бы прямым рейсом – не случилось бы «приятного» свидания с утконосом, оказавшимся местным мафиози.

И все из-за герра Сиропчика! Кнапке настаивал на пересадке фрейлейн Демидофф в Москве, уверяя, что Вике не обойтись без бумаг, отражающих работу представительства их семейного бизнеса в России. В принципе резон в доводах лысого колобка был, вот только никаких документов Дитрих так и не передал.

И инцидент с букетом тут вовсе ни при чем, захотел бы – догнал и передал. Но в руках у Сиропчика ничего, кроме цветов, не наблюдалось. Возможно, бумаги остались в машине, но в таком случае Кнапке просто обязан был догнать шефиню, если дорожит своим местом.

А он не догнал. Странно.

И Вика вляпалась в неприятности с Виталиком Портновым.

Но зато встретила человека, при одном воспоминании о котором сладко заныло тело. Его прикосновение...

Так, Виктория, хватит! Успокойся немедленно, хватит

млеть под струями воды, глупо улыбаясь дурацким мыслям! У тебя, между прочим, проблемы, и довольно серьезные, вон как Кульгирович напрягся.

Так что выключи воду и растолкай свернувшийся в сонный клубочек инстинкт самосохранения. Да, для твоего сохранения у двери сидит Раманаускас, и скоро приедут секьюрити Кульгировича, но и тебе не стоит оставаться тупой Барби, утонувшей в воспоминаниях о каком-то альбиносе! Собообразалку активируй, подруга!

Вика завернулась в белоснежный пушистый халат и протерла ладошкой запотевшее зеркало. М-да, воительница еще та – порозовевшее лицо, сияющие глаза, влажные волосы рассыпались по плечам слегка выющимися прядями, губы запунцовели. В таком виде, конечно, можно сразить противника, но только в постели.

Елки-палки, и ведь ничего не захватила в ванную из чистой одежды! Халат ведь есть, ага.

Ну да ладно, Раманаускас все равно в гостиной сидит, а ванная рядом со спальней, так что сейчас быстренько переодемся в спортивный костюм, и станет гораздо комфортнее. Или нет – это придаст уверенности, что ли, а то пушистый халат на голое тело к общению с посторонними мужчинами располагает меньше всего.

Хорошо, что сумку с вещами она перенесла в спальню.

Вика замотала влажные волосы полотенцем и щелкнула замком, открывая дверь ванной комнаты.

И первое, что она увидела, – самодовольно ухмыляющуюся мерзкую рожу утконоса. Виталька полулежал на кровати, перебирая тонкое кружевное белье в ворохе вещей, вывернутых из сумки на покрывало.

Инстинкт самосохранения тоненько взвизгнул, отряхивая с себя остатки сна, и попытался вместе с Викой захлопнуть дверь ванной и запереться изнутри, но увы... Они с хозяйкой слишком расслабились.

К тому же их ждали, а они – нет. Поэтому один из виденных Викой в аэропорту громил, притаившийся сбоку от двери ванной комнаты, оказался гораздо проворнее...

– Я буду кричать. – Вика очень старалась говорить спокойно, но получалось плохо – голос предательски дрожал и срывался.

– А кричи, – равнодушно кивнул Портнов, не прерывая увлекательного занятия. – Отель хороший, дорогой, заботится о комфорте и покое своих постояльцев, поэтому звукоизоляция здесь отличная. Кто-то хочет спать, а кто-то наоборот – трахаться, да с воплями, да погромче. И тем и другим должно быть комфортно. Так что ори, повесели Виталика.

– Вы вообще соображаете, что творите? – Вика поплотнее запахнула халат, стянув его на груди. – Я приехала сюда по личному приглашению господина Кульгировича, который весьма заинтересован в совместном бизнесе с нашей компанией. К тому же я – гражданка Германии и...

– И мне нас... – мило улыбнулся утконос. – Кем бы ты

ни была и к кому бы ни приехала, ты стала причиной моего публичного унижения, кадры которого всюду крутят в Интернете. Я стал посмешищем, а я этого с детства не люблю. – В прищуренных глазках колыхнулась трясина. – И с детства жестоко наказываю всех, кто насмеялся надо мной. Об этом знают, меня боятся, меня уважают. И вдруг – такое б...во!

– В котором, любезнейший, виноваты только вы, и никто иной, – надменно процедила Вика, справившись наконец со страхом. – Я, что ли, заставляла вас напиваться до потери разума?

– Ты мне хамила, подруга.

– Но в штаны вы напрудили вполне самостоятельно.

– Я бы на твоём месте не стал напоминать об этом. – Ноздри мерзкого носяры побелели и раздулись. – Не стоит злить Виталика ещё больше, тогда умрёшь более-менее безболезненно. Не то брошу тебя моим парням – правда, после того, как сам наиграюсь с тобой вволю, и они за... тебя до смерти. А потом мы снимем то, что останется от твоего холеного тела... – Губы растянулись, синевато-красный язык подхватил слюни. – И тоже разместим в Интернете. Никто не смеет унижать Виталия Портнова, никто!

– А Виталий Портнов сам не боится потом умереть? – вкрадчиво поинтересовалась Вика. – Не менее мучительно и болезненно? Не гарантирую, конечно, что тебя затрахают до смерти – уж очень ты противный, вряд ли найдутся палачи-добровольцы, – но есть ведь немало других затейливых

способов умерщвления?

– А ты смелая, – одобрительно ухмыльнулся утконос. – Красивая и смелая дорогу перешла! – взвыл он вдруг дурниной. – Любил в детстве эту песню Анны Герман, душевно пела баба. Так вот, красивая и смелая, очень жаль, что ты перешла мне дорогу так нехорошо, и я вынужден принять самые жесткие меры наказания. Редко ведь встречается столь уникальный экземпляр, как ты! Я бы с удовольствием на тебе женился, но увы... Ладно, хватит болтать, надо убираться отсюда, а то скоро кавалерия Кульгировича пожалует.

– Так тебе в любом случае придется столкнуться с Борисом Исааковичем, кретин! Ты ведь не только похитил его гостью, но и убил личного секретаря!

– Никто его не убивал, Раманаускас дрыхнет сном младенца. Этот придурок даже сообразить ничего не успел – едва впустил официанта с сервировочной тележкой, и тут же укол и сладкий сон. А когда проснется, ничего вспомнить не сможет, потому как ничего и никого не видел.

– Зачем вспоминать, и так понятно – никто, кроме тебя, не решится на подобную глупость.

– Понятно-то понятно, а вы докажите!

– Видеокамеры в коридорах докажут.

– Система видеонаблюдения очень кстати вышла из строя, – сокрушенно покачал головой Портнов. – Вся. Целиком и полностью. Так что никаких доказательств нет и не будет. Я, если честно, ожидал, что мне моя затея обойдется го-

раздо дороже, но эта гостиничная шваль оказалась уцененной. Так, хватит зубы заговаривать, нам пора.

– Ты не представляешь, во что ввязываешься! – попятилась в угол Вика, затравленно глядя на приближающегося утконоса. – Если со мной что-нибудь случится, мой брат...

– Да плевать я хотел на твоего брата и всю остальную родню! – Портнов вдруг резко подался вперед и вырвал из рук девушки полы халата, распахнув их. Глаза его замаслились, а язык часто-часто замелькал, облизывая моментально пересыхающие губы. – Черт побери, какое тело! Как я хочу тебя трахнуть прямо сейчас! Но ничего. – Он вцепился пальцами в сжавшийся от ужаса сосок и больно крутанул его. – У нас с тобой все впереди, моя сладкая! А если будешь хорошо себя вести, то, может, и не умрешь. Отсосешь мне перед видеокамерой, да и все.

– Да пошел ты, урод! – Унижение и боль окончательно разозлили девушку, и она с размаху засадила коленом прямо по признавшему ее привлекательность мужскому достоинству утконоса.

Судя по поросычьему визгу Виталика, было больно. Очень больно.

А потом к ней рванулся громила, и больно стало самой Вике. Голова буквально взорвалась вспышкой боли, и все исчезло.

Только сыто чавкнула тьма.

Глава 10

– ...твою мать, сколько крови! Ты что, не мог сдержаться?! Зачем было бить так сильно! А если она подойдет раньше срока? И что мне запустить в Интернет – съемки трупа? И все?! Виталий Портнов всего лишь кокнул унизившую его девку, не показав дряни, насколько она была не права?! Хрящ, ты идиот!

– Да ладно вам, шеф, все будет чики-пуки, не волнуйтесь! Сучонка скоро придет в себя, зуб даю! И будет вполне употребима! – Гнусавое похрюкивание. – Еще и нам с парнями останется. Если вы позволите, конечно.

– Посмотрим. – Потная лапа вцепилась в подбородок Вики, разворачивая лицо девушки. – Черт, а кровь-то все еще течет! Говорю же, перестарался ты, дубина! Вон, весь багажник угваздан, еще немного, и она тупо истечет кровью! Похоже, ты ей череп раскрыл, урод!

– Не, целехонькая башка, гляньте. – Голову снова потревожили, и голова снова выстрелила залпом боли, причем в этот раз заряд был гораздо мощнее, и Вика не удержалась от стога.

– О, слышите! – явно обрадовался Хрящ. – Живая! Очнулась, похоже.

– Тогда тащи ее в дом. Хотя нет, погоди, она же там все изгадит. Надо сперва перевязать, швы, похоже, наложить. Мне

эта кукла нужна более-менее здоровой, чтобы смогла вынести как можно больше моих прихотей. Позови сюда дока, пусть займется.

Судя по всему, тип, выполнявший при дворе утконоса функции доктора, в прошлом был патологоанатомом. Во всяком случае, обращался он с пациенткой так же бережно, как в свое время с трупами. И, само собой, ни о какой анестезии и речи не шло.

Так что продержалась Вика на поверхности сознания совсем недолго.

Но расстраиваться по этому поводу она не стала. А вот очередному всплытию на эту самую поверхность не обрадовалась. Ну вот ни капельки.

И вовсе не потому, что снова выматывающей волной накатила боль, нет.

Боль можно вытерпеть, она не унижает. А вот осознание того, что ты сидишь в кресле голая и тебя по-хозяйски разглядывают похотливые глазки Виталика Портнова, накрыло девушку удушливой волной отчаяния.

И самое мерзкое было в том, что ничего, НИЧЕГО изменить нельзя: руки привязаны к подлокотникам кресла, а ноги – к ножкам.

Массивного такого кресла, о монументальность которого разбились отчаянные попытки Вики освободиться или хотя бы сдвинуть этот пьедестал унижения с места.

– Продолжай, кисуля, продолжай, – хрипло пробулькал

утконос, не сводя глаз с извивающегося тела. – Ты меня заводишь все сильнее, а эта грудь – мм! Как она упруго подпрыгивает, сразу видно – все свое, ни грамма силикона! Ради такой забавы стоило рискнуть. Да, собственно, ничем особым я и не рискую – на видео моего лица видно не будет благодаря вот этой штуке. – Он взял со стола черную трикотажную шапку, с одинаковым успехом применяемую и спецназом, и бандитами, и натянул ее на голову, спрятав физиономию. – Ну а главный свой орган, который будет звездой нашего с тобой фильма, я предъявлять для опознания не собираюсь.

– Ты урод, Портнов, – процедила Вика, изо всех сил стараясь сдержать слезы отчаяния. – Уродом родился, уродом и подохнешь. И дело не только в твоём тошнотном рубильнике, ты моральный урод. Нравственный кастрат с кучей комплексов. Ты не в силах заинтересовать женщину, хотя и более некрасивые мужчины слыли любимцами дам, но это не твой случай, ты слишком жалок и противен. И единственное, чем ты в состоянии привлечь самку, – это деньги. А когда на пути попадается не самка, а женщина, – ты применяешь насилие.

– Кастрат, говоришь. – Сквозь прорези маски было видно, что глазки утконоса недобро прищурились. – Сейчас ты увидишь, на что способен этот кастрат.

И он начал медленно раздеваться.

И Вике больше всего на свете захотелось умереть. Вот прямо здесь и сейчас, не медля ни секунды. Потому что ино-

го способа избежать омерзительной в своей тошнотворности перспективы она не видела. Если только снова потерять сознание, но в третий раз это вряд ли удастся.

А от бессилия и отчаяния сознание бежать почему-то не хотело. Оно лишь сжалось в испуганный комочек, наблюдая за обнажавшейся обезьяной.

Именно обезьяной, согрешившей когда-то по пьяни с утконосом.

Потому что реденькими волосенки были только на голове Виталика, а вот его дряблое тело почти полностью заросло ключьями неопрятной шерсти. Кривые тощие ноги, длинные руки, вялое брюхо, из-под которого торчало не самое внушительное мужское окончание, – в целом господин Портнов выглядел вполне гармонично. Все детали вписывались в целостную картину, подтверждающую теорию Дарвина о происхождении человека.

Вот только черная шапочка на голове этой человекообразной особи смотрелась очень уж нелепо, настолько нелепо, что перетянутые нервы девушки не выдержали, и Вика залилась истерическим хохотом.

Утконос, возившийся в этот момент с видеокамерой, вздрогнул и оглянулся:

– Тебе, я вижу, весело стало? Предвкушаешь скорую встречу с моим «парнем»? – И он ласково погладил «парнишку». – Это да, он у меня молодец, бабы визжат от восторга.

– От восторга?! – еле выговорила сквозь смех девушка. – От щекотки они визжат, придурок! Ничего другого эта детсадовская пиписька сделать не может!

– Детсадовская, значит? – прошипел Портнов, зачем-то взяв со стола две столовые ложки. – Ну-ну. Сейчас проведем проверочный тест, так сказать. Открывай-ка ротик, лапусик.

И волосатая гадость придвинулась почти вплотную к Викиному лицу. Она отчаянно замотала головой, но помогло слабо – уже через минуту во рту оказались ложки, домкратом раздвигая зубы.

Умереть, умереть, умереть!!!

Слезы бессильного отчаяния прорвались-таки на волю, и Вика захрипела, с ужасом наблюдая за нарочито медленно приближающимся кошмаром.

– Ну что, сучонка, – возбужденно просопел утконос, – получи вкусняшку! Ик...

И, странно вздрогнув, Портнов вдруг грузно осел на пол. Пару раз дернулся, суча ногами, а потом затих.

Сознание Вики тоже икнуло, но отключаться не спешило, оно впало в анабиоз, тупо таращась на неспешно просачивавшуюся сквозь черную шапочку кровь.

А потом сфокусировало взгляд девушки на приблизившемся высоком блондине с блекло-голубыми глазами.

Человеке, которого здесь быть не могло. И не только потому, что он навсегда остался в прошлом, просто...

Здесь, на Урале?!

В общем, бог троицу любит.

И Вика благополучно отключилась уже в третий раз за последние часы.

Блондин тихо выругался на немецком и, склонившись над девушкой, прижал пальцы к ее сонной артерии.

– Слава богу, жива, – облегченно вздохнул он, яростно пнув безжизненное тело Портнова. – Тварь убогая, не думал, что ты окажешься таким шустрым. Чуть не опоздал!

Мужчина осторожно освободил руки и ноги девушки, сорвал с дивана покрывало, аккуратно завернул в него свою драгоценную добычу и, легко подхватив ее на руки, торопливо вышел из комнаты.

Располагавшейся, как оказалось, на втором этаже не самого богатого, как можно было ожидать от местного водочного короля, дома.

Блондин медленно, боясь оступиться, спустился по лестнице на первый этаж, где суетились двое парней, только что втянувших в дом труп Хряща. Всего в холле первого этажа было не очень эстетично расположено пять мертвых тел.

Пять мужских. Шестое, женское, лежало на кухне, возле открытой настезь духовки. К скрюченным пальцам незнакомки угрюмо пристроился пистолет.

– Ну что, закончили тут? – с легким акцентом произнес блондин. – Это именно тот пистолет?

– А какой же еще? – хмыкнул курносый коренастый парень постарше. – Все, как вы сказали.

– Очень хорошо. Газ, я чувствую, уже идет. – Блондин сморщил нос, принюхиваясь. – Нам пора. Василий – не забыл? – стрелять сюда только тогда, когда моя машина отъедет на безопасное расстояние!

– Да, босс, сделаем, – кивнул второй, тощий и рыжий.

– Тогда встречаемся на заимке.

– Лады.

Глава 11

– Слэви, дорогой, ну что же ты? – чуть хрипловато произнесла длинноногая стройная красотка, чей безупречно гладкий лоб не уродовала ни одна мыслительная морщинка. – Я скоро сгорю от страсти!

И она отрепетированно повторила эротические «ножницы» Шэрон Стоун из «Основного инстинкта». Чувствовалось, что девушка не раз отработывала это упражнение перед зеркалом, все получилось ровно в той степени сексуально, как и было задумано.

Правда, Слава и так знал, что на Бригитте нет нижнего белья, она ведь из душа вышла, а не из магазина с торбами притащилась.

М-да, не совсем корректное сравнение, одна из ведущих моделей Германии если и ходит по магазинам, то в основном по ювелирным, а оттуда довольно сложно выйти с торбой. Хотя...

Если вручить Бри кредитку на часик в единоличное пользование, то она сможет-таки покинуть лавку драгоценностей с объемистой ручной кладью. А платиновую кредитку можно будет выбросить в ближайшую мусорку.

Но Слава с головой пока дружил, поэтому кредитки никому не доверял. К тому же ему подруг покупать не надо было: статус одного из самых завидных женихов Европы позволял

Слэви Демидофф не ощущать недостатка в женском внимании.

Чем он не то чтобы беззастенчиво, но пользовался. Женился Слава пока не собирался, он что, с ума сошел – связывать себя веревками-цепями-кандалами – узами брака в двадцать пять лет?! Да и некогда, семейный бизнес отнимает почти все время, и на подружек остается его совсем немного.

Из-за чего чаще всего и распались отношения Славы с девушками. Не хватало красулям терпения ждать, пока герр Демидофф выкроит на них пару часиков. А сам герр Демидофф не отличался особой лояльностью к свободе нравов, и, если узнавал, что его девушка была замечена в ночном клубе или на очередной светской тусовке в компании особи мужеска пола, девушка в тот же миг теряла звание подружки Слэви Демидофф.

Нет, ханжой Слава не был и, ведя довольно свободный образ жизни, спокойно относился к прошлому своей очередной пассии. Но если ты со мной – никого другого рядом быть не должно.

Нынешняя подружка, известная модель Бри Лав (Бригитта Пфальц), излишним интеллектом обременена не была, но хитрости и житейской хватки у девушки имелось с запасом. Иначе она не достигла бы заметных высот в модельном бизнесе – длинноногих красотуль много, а мест на подиуме мало.

В общем, как говорят в России, хочешь жить – умей вер-

теться.

И Бри вертелась. Заполучив в бойфренды лакомый кусочек по имени Слэви (о котором она собрала всю доступную широкой общественности информацию), девушка вела себя безупречно: бесконечными звонками не надоедала, внимания не требовала, по вечеринкам без Славы не шаталась, была всегда весела, легка на подъем и чертовски сексуальна.

Порой даже слишком, скрупулезно следуя советам из женских глянцевого журналов. Которые, среди прочего, советовали иногда не надевать под платье нижнее белье и, сидя, к примеру, в пафосном ресторане, интимным полусшепотом сообщить об этом своему спутнику.

Что Бри однажды и проделала.

Вот только добилась обратного результата. Слава, искренне любовавшийся своей подружкой, выглядевшей сногшибательно в обтягивающем коротком алом платье и тонких чулочках, после интимного откровения мог думать только об одном – Бри сейчас сидит голой попой на общественном кресле, где до нее мог сидеть фиг знает кто!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.